

МЛОГОС

Серия комментариев к гражданскому законодательству #Глосса

ДОГОВОРНОЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО (ОБЩАЯ ЧАСТЬ):

постатейный комментарий
к статьям 307–453 Гражданского
кодекса Российской Федерации

Ответственный редактор
А.Г. Карапетов

М-ЛОГОС
Электронное издание.
Редакция 1.0
2017

неосновательным обогащением кредитора и должна быть возвращена им должнику по правилам гл. 60 ГК РФ.

(у) При обнаружении в предоставленном предмете отступного физических или юридических недостатков первоначальное обязательство не восстанавливается, а должник несет ответственность за эти недостатки. Здесь по аналогии, видимо, должны применяться положения ст. 393 ГК РФ о взыскании убытков за нарушение обязательства, а также как минимум некоторые положения ст. 475 ГК РФ о последствиях передачи некачественной вещи по договору купли-продажи. Последнее может означать, что кредитор, получивший дефектное отступное, может требовать от должника устранения дефектов.

Статья 410. Прекращение обязательства зачетом

Обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны.

Комментарий

(а) Статья 410 ГК РФ регламентирует условия (позитивные предпосылки) и порядок осуществления зачета как способа прекращения взаимных требований двух лиц, каждое из которых является одновременно и должником, и кредитором.

Для того чтобы зачет состоялся, должны наличествовать следующие условия зачета: встречность требований, их однородность, а также осуществимость требования заявителя зачета.

(б) Встречность требований предполагает существование двух взаимных обязательственных отношений между теми же лицами. При этом должник по одному из них должен одновременно являться кредитором по другому, и наоборот (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2012 г. № 14321/11).

В силу встречности произвести зачет может только должник по требованию. Как исключение, в случае, когда в соответствии с законом допускается исполнение обязательства за должника третьим лицом, последнее вправе зачесть против требования кредитора к должнику собственное требование к кредитору (п. 4 ст. 313 ГК РФ). Кроме того, встречность как предпосылка зачета подвергается существенным модификациям применительно к институту уступки требования. Руководствуясь общим принципом правового регулирования уступки — недопустимостью ухудшения положения должника в результате уступки, — законодатель предоставляет должнику при соблюдении определенных условий право зачесть против требования нового кредитора свое требование к прежнему кредитору (см. ст. 412 ГК РФ).

Заявитель зачета (компенсант) не может зачесть требование, которое он имеет не к адресату зачета (компенсату), а к третьему лицу, даже если исполнение этого

обязательства третьим лицом возложено на адресата зачета. Возложение исполнения обязательства (п. 1 ст. 313 ГК РФ), в отличие от перевода долга (ст. 391 ГК РФ), не приводит к перемене лиц в обязательстве, а значит, не изменяет принадлежности долга. Поэтому должник не вправе заявить о зачете лицу, на которое возложено исполнение обязательства, поскольку не имеет встречного требования к такому лицу (п. 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). При заключении договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) должник, обязавшийся в пользу выгодоприобретателя (дестинатария), не может зачесть этот долг с требованиями, принадлежащими ему против контрагента-кредитора. В изъятие из этого правила п. 4 ст. 954 ГК РФ предоставляет страховщику право зачесть против требования выгодоприобретателя о выплате страхового возмещения свое требование к страхователю об уплате страхового взноса.

(в) Зачитываемые требования должны быть однородными. Необходимость этого условия предопределена существом зачета как «суррогата» исполнения. Только при его наличии каждая сторона, сохраняя то, что она должна другой, ставится в то самое положение, в котором бы находилась в случае принятия исполнения от последней. В связи с этим очевидно, что однородными являются требования, обязывающие к предоставлению однородных предметов (денег или иных заменимых вещей одного рода, эмиссионных ценных бумаг).

Ключевой характеристикой для признания однородными денежных требований является «валюта платежа», т.е. валюта, в которой обязательство должно быть исполнено. В ситуации, когда указание на иностранную валюту используется в рамках обоих встречных или одного из встречных обязательств лишь для определения «валюты долга» (при наличии в договоре валютной оговорки), однородность определяется по валюте платежа. Если у двух встречных требований разные валюты долга, но единая валюта платежа (например, долги подлежат оплате в рублях), то такие требования однородны. Напротив, если номинированное в иностранной валюте требование подлежит исполнению в этой иностранной валюте, а встречное требование подлежит исполнению в иной валюте, речь идет о неоднородных требованиях.

Требования, обязывающие к платежу за оказанные услуги, выполненные работы или купленный товар, и требования, обязывающие к выплате денежной суммы, не выступающей в качестве встречного предоставления, направлены на предоставление однородных предметов, а поэтому их следует считать однородными. Соответственно агент (комиссионер) имеет право на прекращение требования по выдаче принципалу (комитенту) полученных от третьего лица денежных сумм зачетом своего встречного требования к принципалу (комитенту) об уплате вознаграждения (см. п. 16, 17 Информационного письма ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65).

Однородность требований не исключается различием оснований их возникновения. Соответственно могут быть зачтены, например, требование подрядчика об оплате выполненных работ и требование поручителя, исполнившего денежное обязательство (см. п. 7 Информационного письма ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65), требование по векселю и денежные требования, вытекающие из общегражданских договоров, в частности, кредитного договора (см. п. 26 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 4 декабря 2000 г. № 33/14).

Допустим зачет договорного денежного требования против внедоговорного, а равно требования об уплате основного долга против притязания на неустойку. Вместе с тем судебная практика длительное время считала такой зачет невозможным, объясняя такой запрет с помощью введения дополнительной предпосылки – бесспорности зачитываемых требований. Очевидно, что и в случае со взысканием убытков, и в случае с неустойкой окончательная определенность в размере таких требований наступает только при вступлении в силу судебных решений о применении таких мер ответственности, и эта неопределенность размера долга и самого факта их наличия (с учетом множества норм, позволяющих корректировать размер ответственности от ст. 333 до ст. 404 ГК РФ) и смущала суды. Однако в настоящее время подход правоприменительной практики изменился. Прямо подчеркивая ошибочность восприятия бесспорности как предпосылки зачета, однородность требования об уплате неустойки и о взыскании задолженности, а также отсутствие запрета их зачета в действующем российском законодательстве, высшие судебные инстанции допускают подобный зачет (см. постановления Президиума ВАС РФ от 7 февраля 2012 г. № 12990/11; от 19 июня 2012 г. № 1394/12; от 10 июля 2012 г. № 2241/12; Определение КЭС ВС РФ от 25 сентября 2015 г. № 307-ЭС15-6545). Зачет в таких ситуациях осуществляется заявителем зачета на свой риск и не препятствует адресату зачета, не согласному с той суммой требования, в отношении которой был произведен зачет, предъявить иск к заявителю зачета о взыскании суммы, в отношении которой зачет был произведен неправомерно, обосновав неправомерность зачета в полном объеме (например, со ссылкой на освобождение от ответственности по ст. 401 ГК РФ) или в части (например, со ссылкой на вину кредитора по ст. 404 или несоразмерность неустойки по ст. 333 ГК РФ).

(г) Необходимой предпосылкой зачета является осуществимость требования заявителя зачета.

Воплощая эту предпосылку, ст. 410 ГК РФ указывает, что требование заявителя зачета может использоваться для зачета лишь в том случае, если по нему наступил срок исполнения либо этот срок не указан или определен моментом востребования.

Для требования заявителя зачета, срок исполнения которого определен периодом времени, зачет возможен в любой момент в пределах этого периода, поскольку предписания закона отнюдь не предполагают допустимость зачета только в отношении просроченной задолженности адресата зачета. Наступление какого-либо срока в случаях, когда такой срок выражается в виде периода времени, означает начало исчисления этого периода, а не его окончание. По этой же причине в ситуации, когда срок исполнения требования заявителя зачета не указан или определен моментом востребования, такие требования могут использоваться для зачета без учета льготного семидневного срока, предоставленного должнику по такому требованию в п. 2 ст. 314 ГК РФ.

С 1 июня 2015 г. ст. 410 ГК РФ дополнена указанием на допустимость в предусмотренных законом случаях зачета требования заявителя зачета, срок которого не наступил. Смысл данной нормы не очевиден и нуждается в толковании. Скорее всего имеются в виду ситуации, когда заявитель зачета в силу закона имеет право требовать досрочного исполнения (см., например, ст. 351, 811, 813, 814 ГК РФ).

При таком подходе данное предписание логично вписывается в общий контекст «осуществимости» требования заявителя зачета как возможности быть принудительно осуществленным. Вместе с тем можно предположить, что норма имеет в виду прямое указание закона на допустимость зачета требования заявителя зачета до наступления срока его исполнения. Тогда соответствующее правило будет являться установленным законом изъятием из общего правила. Примеров таких норм в действующем законодательстве пока не содержится, а цель и сфера их потенциального применения не ясны.

При этом наступление срока является лишь одним из показателей данной более общей предпосылки осуществимости требования. При толковании текста ст. 410 ГК РФ следует учитывать, что зачет представляет собой «суррогат» исполнения, и при этом, поскольку осуществляется посредством одностороннего преобразовательного акта заявителя зачета, несет в своем механизме некий элемент принудительности в отношении адресата зачета. Соответственно необходимо обеспечить, чтобы положение последнего в результате зачета не ухудшилось по сравнению с тем, каковым бы оно было при предъявлении к нему требования об исполнении. В связи с этим следует признать недопустимым зачет в ситуации, когда требование заявителя зачета является натуральным, в частности вытекающим из игры или пари (п. 1 ст. 1062 ГК РФ). При этом не имеет значения, обеспечено принудительной защитой встречное требование адресата зачета или же оно также является натуральным (подробнее см. официальные комментарии к ст. 8.1 Принципов УНИДРУА, ст. III.-6:102 Модельных правил европейского частного права). Неспособность к самостоятельному осуществлению делает невозможным предъявление к зачету и требования заявителя зачета, на которое наложен арест.

(д) При этом следует отметить, что согласно буквальному значению ст. 410 ГК РФ созревшим должно быть именно и только требование заявителя зачета. Соответственно при таком прочтении этой нормы если встречный долг заявителя зачета имеется, но еще не созрел (т.е. срок его исполнения еще не наступил), это не должно препятствовать зачету. И действительно, заявляя зачет в такой ситуации, сторона никоим образом не вредит интересам другой стороны. Безусловно, в такой ситуации фактически происходит досрочное исполнение. Последнее в силу ст. 315 ГК РФ ограничено для случаев сугубо предпринимательских обязательств и допускается в таких обязательствах только с согласия кредитора. Но цель этой нормы состоит в том, чтобы не допустить ситуацию, когда кредитору могут быть навязаны дополнительные расходы и неудобства, связанные с предоставлением исполнения досрочно. В случае же с зачетом такие расходы по определению исключены. Соответственно если должник по несозревшему долгу решает заявить зачет против встречного созревшего долга другого лица, видимо, нет каких-либо серьезных причин такой зачет блокировать, даже если речь идет о сугубо предпринимательских отношениях.

Но в принципе может обсуждаться и иное решение, при котором несозревший долг заявителя зачета может быть зачтен, только если из закона или договора вытекает допустимость досрочного исполнения. Такой подход отражен в ст. 8.1 Принципов УНИДРУА и ст. 6:102 Модельных правил европейского частного права, но не следует из буквы ст. 410 ГК РФ.

(е) Так как осуществимость требования касается только требования заявителя зачета, но не встречного требования к нему, следует признать допустимость зачета и в тех случаях, когда обязательство заявителя зачета носит натуральный характер.

(ж) Спорным является вопрос о допустимости зачета в ситуации, когда требование заявителя зачета к другой стороне вытекает из обязательства, принудительное исполнение которого по суду не допускается в силу указаний в законе, договоре или существа обязательства (ст. 308³ ГК РФ). Если не подлежит защите путем принуждения к исполнению в натуре требование адресата зачета к заявителю зачета, это не препятствует зачету, так как заявитель зачета не ухудшает, а улучшает положение адресата зачета. Но если такой характер имеет требование заявителя зачета к адресату, зачет может существенно нарушить интересы последнего, позволив заявителю зачета де-факто получить исполнение в натуре обходным путем.

Так, например, судебная практика не допускает принуждение банка к выдаче кредита по заключенному договору кредита. К этому ограничению можно относиться по-разному, но, как бы то ни было, ВАС РФ выводил из этого, что заемщик не может зачесть свое требование к банку о выдаче кредита к своему долгу перед банком, возникшему из иного договора (п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). С учетом того, что возможность принуждения дарителя по консенсуальному договору дарения к передаче дара является крайне сомнительной (см. комментарий к ст. 308³ ГК РФ), в случае окончательного утверждения в российской судебной практике запрета на такое принуждение должен признаваться и запрет зачета этого требования заявителя зачета к дарителю к встречному требованию дарителя к одаряемому из иных правоотношений, если такой зачет заявляет одаряемый.

(з) В отличие от ряда зарубежных правопорядков отечественное законодательство не предусматривает механизм автоматического зачета в силу закона. Само по себе наличие встречных однородных требований не приводит к их зачету (см. п. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). Необходимым и достаточным для зачета ст. 410 ГК РФ считает наличие соответствующего заявления одной из сторон (тот же подход см. ст. 8.3 Принципов УНИДРУА, ст. III.-6:105 Модельных правил европейского частного права). По своей правовой природе такое заявление является односторонней сделкой (см. постановления Президиума ВАС РФ от 19 июня 2012 г. № 1394/12; от 19 февраля 2013 г. № 8364/11; п. 50 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Соответственно заявление о зачете порождает правовой эффект с момента его доставки адресату зачета (ст. 165¹ ГК РФ). Заявление, не доставленное адресату зачета, правовых последствий не влечет (см. п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65).

(и) Как и любая сделка, заявление о зачете требует соблюдения условий ее действительности, отсутствие которых может повлечь недействительность зачета, и как следствие аннулирование его правопрекращающего эффекта (см. п. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65; Постановление Президиума ВАС РФ от 7 февраля 2012 г. № 12990/11). Нарушение установленных в ст. 410 ГК РФ условий допустимости зачета влечет ничтожность (по п. 2

ст. 168 ГК РФ) сделанного заявления о зачете (см. п. 51 Постановления Пленума ВС от 23 июня 2015 г. № 25).

(к) Последствием одностороннего волеизъявления о зачете всегда должно являться окончательное и бесповоротное прекращение зачитываемых требований. Поэтому заявление о зачете не может быть сделано под условием, так как это навязывает адресату зачета правовую неопределенность (и необходимость прояснять факт наступления или ненаступления условия), на которую адресат зачета добровольно не соглашался. Например, вряд ли возможно совершить зачет до возникновения требования заявителя зачета к другой стороне под условием возникновения в будущем такого требования и наступления срока его исполнения. Это ограничение пока не закреплено в законе и не отражено в судебной практике, но имеются серьезные основания для его признания в российском праве.

Не предусматривается также возможность отказа от совершенного ранее зачета (см. п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65).

(л) Моментом реализации права на зачет, как указывалось выше, является момент доставки адресату зачета заявления о зачете. Вместе с тем судебная практика исходит из так называемой концепции ретроактивного действия (обратной силе) заявления о зачете, согласно которой обязательства считаются прекращенными зачетом с момента наступления срока исполнения того обязательства, срок исполнения которого наступил позднее (п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). Цель такого решения состояла прежде всего в том, чтобы уравнивать положения сторон в отношении санкций за просрочку. Например, допустим, что по одному из требований просрочка началась в 2013 г., а по встречному требованию на ту же сумму – в 2014 г. При этом по первому требованию была установлена высокая неустойка в виде пени, а по второму – начислялись лишь проценты годовые по ст. 395 ГК РФ. Если зачет, заявленный, допустим, в 2015 г., имеет сугубо перспективное значение, по итогам зачета может образоваться разница в начисленных ранее штрафных санкциях. Эту разницу соответствующая сторона обязана была бы заплатить. Вариант с ретроспективностью зачета пытается по возможности исключить это последствие, дезавуировав преимущества одного из контрагентов, который смог добиться включения в договор более высокой неустойки.

Однако такой подход хотя и укоренился исторически во многих европейских правовых порядках, как представляется, несколько противоречит здравому смыслу и не имеет никакого прямого или косвенного основания в российском законе. Системный анализ последнего позволяет сделать как раз прямо противоположные выводы. Сомнения идея ретроспективности вызывает и у авторов последних международных унификаций частного права, которые закрепляют исключительно *перспективный эффект* заявления о зачете – с момента уведомления (см. ст. 8.5 Принципов УНИДРУА и ст. III.-6:107 Модельных правил европейского частного права).

(м) В случае равенства встречных однородных требований зачет производит их полное прекращение. В противном случае зачет влечет лишь частичное прекращение, – требования прекращаются лишь в той части, в которой они покрывают друг друга.

Учитывая близость институтов зачета и исполнения обязательства, судебно-арбитражная практика допускает возможность применения к ситуации частичного зачета денежных требований по аналогии правила ст. 319 ГК РФ. Если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности встречного и денежного требования для полного прекращения его зачетом в первую очередь должны считаться прекращенными издержки кредитора по получению исполнения, затем — проценты, а в оставшейся части — основная сумма долга (п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). Проценты годовые и неустойки погашаются зачетом в последнюю очередь, после погашения основного долга (см. комментарий к ст. 319 ГК РФ).

При наличии у сторон нескольких пригодных для зачета взаимных требований определение действия зачета производится с помощью общих правил о распределении исполнения ст. 319¹ ГК РФ, действующей с 1 июня 2015 г. Подобный результат ранее достигался и в условиях прежнего законодательства в рамках судебной практики (см. п. 19 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65). Аналогичный подход воплощен в международных актах унификации (см. ст. 8.4 Принципов УНИДРУА и ст. III.- 6:106 Модельных правил европейского частного права).

(н) Зачет по требованию, предъявленному в судебном порядке, должен осуществляться либо путем обычного уведомления о зачете и выдвижения в суде возражения о произошедшем зачете, заявленного ответчиком в ходе судебного разбирательства, либо путем подачи ответчиком встречного иска (ст. 138 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ). Выбор конкретной формы зачета должен принадлежать ответчику.

В то же время в судебно-арбитражной практике на данный момент такая возможность ограничена. Суды исходят из того, что после подачи одной из сторон иска осуществление зачета в рассматриваемой ситуации по общим правилам ГК РФ (т.е. в форме одностороннего заявления) не допускается и возможно не иначе как в форме подачи встречного иска (п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65; Определение КЭС ВС РФ от 9 июня 2015 г. № 307-ЭС15-795). Этот подход представляется не вполне обоснованным. Вопреки предложенной Президиумом ВАС РФ и поддержанной ВС РФ аргументации, из смысла ст. 132 АПК РФ 2002 г. (ст. 110 АПК 1995 г.) отнюдь не вытекает недопустимость зачета. Указанная процессуальная норма лишь определяет основания и порядок использования института встречного иска. Кроме того, АПК РФ (и ГПК РФ) не может рассматриваться в качестве источника регулирования гражданско-правового института зачета, имеющего преимущественную силу перед положениями ГК РФ. Предъявление иска само по себе ничего не меняет в содержании обязательства, а следовательно, не исключает возможности зачета на основании и в порядке, предусмотренном ст. 410 ГК РФ. Если закон не запрещает ответчику добровольно исполнить свое обязательство после подачи к нему иска и затем в суде заявить возражение против иска со ссылкой на исполнение, то почему закон должен запрещать сделать то же самое в случае использования такого суррогата исполнения, как зачет? При возникновении споров о наличии встречного долга суд при рассмотрении соответствующего возражения о зачете может все эти вопросы прояснить, равно как он выясняет и иные фактические обстоятельства, от которых зависит удовлетворение требования истца.

Следует также подчеркнуть, что описанный выше ошибочный запрет зачета, осуществляемого не в форме подачи встречного иска, блокирует достаточно большое количество специальных случаев зачета, в частности п. 4 ст. 313, ст. 412, п. 4 ст. 954 ГК РФ, поскольку в указанных случаях ввиду отсутствия встречности засчитываемых требований встречный иск принципиально невозможен. Так, например, у должника в силу ст. 412 ГК РФ, казалось бы, есть право зачесть с определенными оговорками против цессионария свои требования к cedentu. Но стоит только цессионарию обратиться в суд с иском к должнику, как положение должника становится крайне проблематичным. Заявить встречный иск к цессионарию он не может, так как должником по встречному требованию является не цессионарий, а cedent. В таких условиях блокирование обычного общегражданского зачета после подачи иска по одному из требований лишает должника прав на зачет, что влечет нарушение базового принципа правового регулирования уступки прав – запрета на ухудшение положения должника.

(о) Допустим зачет и на стадии исполнительного производства. Судебная практика длительное время настаивала, что в подобной ситуации зачет возможен только при наличии встречных исполнительных листов (см. п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65), а сам зачет осуществляется судебным приставом-исполнителем по заявлению взыскателя или должника либо по собственной инициативе в порядке, предусмотренном ст. 88¹ Закона об исполнительном производстве.

В настоящее время судебная практика несколько уточнила эту позицию. Так, ВС РФ указал, что действующее законодательство не ограничивает право на зачет против требования кредитора, подтвержденного судебным решением, своего встречного требования, также подтвержденного судебным решением. Такой зачет может осуществляться посредством направления извещения о зачете по общим правилам ГК РФ о зачете встречных требований, если по выданным исполнительным листам не было возбуждено исполнительное производство (см. Определение КЭС ВС РФ от 15 июня 2015 г. № 307-ЭС15-1559). Как мы видим, по мнению Суда, если исполнительное производство уже возбуждено, то зачет производится исключительно приставом по правилам ст. 88¹ Закона об исполнительном производстве.

Иначе говоря, возможность обычного общегражданского зачета после возбуждения исполнительного производства хотя бы по одному из двух встречных требований сейчас в российском праве фактически заблокирована. Если в дело вступили судебные приставы, прекращение обязательств зачетом требует соблюдения особой процедуры.

В ситуации, когда одно из встречных требований подтверждено судебным решением, а другое – нет, ситуация в российском праве более сложная. Пока судебная практика исходит из невозможности такого зачета. В то же время, думается, что, как минимум, если судебное решение подтверждает требование заявителя зачета, а встречное требование адресата зачета решением суда не подтверждено, зачет все же было бы разумно допустить.

(п) Стороны могут предусмотреть в договоре правила прекращения встречных обязательств, отличные от предписаний ст. 410 ГК РФ. Эта возможность сама по себе

не противоречит закону и соответствует принципу свободы договора. Например, договор может предусматривать право одной из сторон заявить зачет и при отсутствии условия наступления срока исполнения по обязательству адресата зачета.

(р) Положения ст. 410 ГК РФ не применяются к двух- и многосторонним соглашениям о зачете (так называемым взаимозачетам). Последние представляют собой самостоятельное основание прекращения соответствующих обязательств — соглашение сторон (п. 3 ст. 407 ГК РФ). Такое соглашение (договорный зачет) может предусматривать прекращение неоднородных обязательств, — обязательств с ненаступившими сроками исполнения и т.п. (см. п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16). Это связано с тем, что все указанные условия допустимости зачета направлены на защиту интересов адресата зачета в условиях одностороннего характера зачета. Если же прекращение взаимных обязательств осуществляется посредством заключения соглашения, все эти опасения ущемления прав одной из сторон отсутствуют.

То же можно сказать и об отличии обычного зачета, как он урегулирован в ГК РФ, и нередко встречающихся в обороте условий об автоматическом зачете взаимных требований сторон, которые могут у них возникать в рамках того или иного договора. Такие условия об «автоматическом зачете» признаются в судебной практике (см. Определение КЭС ВС РФ от 17 мая 2016 г. № 302-ЭС15-18996, Постановление Президиума ВАС РФ от 19 июня 2012 г. № 1394/12), но являются скорее механизмом прекращения обязательств при наступлении отменительного условия (коим в данном случае является возникновение встречных однородных долгов), а не зачетом в истинном смысле. Соответственно к ним не применяются правила настоящей статьи (не требуется уведомление о зачете и т.п.).

Статья 411. Случаи недопустимости зачета

Не допускается зачет требований:

- о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью;**
- о пожизненном содержании;**
- о взыскании алиментов;**
- по которым истек срок исковой давности;**
- в иных случаях, предусмотренных законом или договором.**

Комментарий

(а) Для осуществления зачета, помимо наличия позитивных (см. ст. 410 ГК РФ и комментарий к ней), требуется также отсутствие негативных предпосылок (препятствий к зачету), перечень которых содержится в ст. 411 ГК РФ.

(б) Абзацы 2–4 ст. 411 ГК РФ объявляют незачетоспособными требования о возмещении вреда жизни или здоровью, о взыскании алиментов, о пожизненном содержании. Основным мотивом включения указанных требований в перечень ст. 411 ГК РФ является их целевой характер — направленность на наиболее полное

обеспечение имущественных и личных неимущественных прав и интересов соответствующих категорий граждан. Допустимость же зачета может сделать достижение указанных целей невозможным.

Поскольку соответствующая цель воплощает в себе некий публичный интерес, указанные требования не способны к зачету в принципе, независимо от того, лежит ли такое обязательство на заявителе зачета или на адресате зачета.

(в) Запрет, установленный абз. 5 ст. 411 ГК РФ, очевидно, преследует цель обеспечения интересов должника. Истечение срока давности предоставляет должнику защиту в виде соответствующего возражения против требования кредитора о принудительном исполнении. Являясь «суррогатом» исполнения и обладая свойством принудительности, зачет не должен создавать возможность обхода этой защиты.

Вместе с тем, обеспечивая интересы должника, правило абз. 5 ст. 411 ГК РФ не препятствует осуществлению зачета требования с истекшим сроком давности по инициативе самого должника по такому требованию. Этот вывод подтверждается и предписаниями п. 3 ст. 199 ГК РФ, запрещающего в отношении требований, по которым истек срок давности, односторонние действия (в том числе и зачет) именно кредитора. Иначе говоря, зачет невозможен, если по требованию заявителя зачета к адресату зачета истек срок давности, но вполне возможен, если такой срок истек по встречному требованию адресата зачета к заявителю. В последней ситуации заявитель зачета ни в коем случае не ухудшает положение адресата зачета, а действует к его выгоде, так как, если бы он не заявил зачет и адресат зачета обратился бы в суд, заявитель зачета мог бы воспользоваться своим правом заявить возражение о давности. Заявление же зачета эту неприятную для адресата зачета перспективу исключает.

Рассматриваемое правило ст. 411 ГК РФ с 1 июня 2015 г. действует в новой редакции. Воплощая подход, ранее сложившийся в правоприменительной практике (см. п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29 декабря 2001 г. № 65), закон связывает запрет зачета исключительно с фактом истечения давностного срока, а не с применением исковой давности судом (см. также п. 3 ст. 199 ГК РФ). Кроме того, не имеет значения, заявлял ли должник о своем желании воспользоваться возражением о давности, или нет.

Подобный подход концептуально расходится с соответствующими предписаниями международных унификаций частного права (см. ст. 10.10 Принципов УНИДРУА, ст. III.-7:503 Модельных правил европейского частного права). Однако необходимо иметь в виду, что в отличие от российского правопорядка (см. п. 2 ст. 199 ГК РФ) данные унификации не ограничивают применение давности исключительно заявлением, сделанным должником перед судом. Соответственно, в контексте российского права, в рамках которого возражение о давности должно быть заявлено исключительно в суде, применимость этого механизма возражения в отношении ситуации внесудебного зачета была сомнительной. Это, видимо, и предопределило изменение редакции ст. 411 ГК РФ.

(г) Перечень препятствий к зачету в ст. 411 ГК РФ является открытым, иные случаи недопустимости зачета могут быть установлены ГК РФ и другими законами. Так, Закон о банкротстве запрещает зачет денежных требований должника после

введения в отношении него процедуры наблюдения (финансового оздоровления), если при этом нарушается установленная законом очередность удовлетворения требований кредиторов (п. 1 ст. 63, п. 1 ст. 81). По общему правилу не допускается зачет требований о внесении вкладов в уставный капитал ООО (п. 2 ст. 90 ГК РФ, п. 4 ст. 19 Закона об ООО).

(д) Недопустимость зачета требования может устанавливаться и соглашением сторон (абз. 6 ст. 411 ГК РФ). Такое соглашение может быть включено в текст договора, порождающего соответствующее обязательственное требование, либо достигнуто позднее. Соглашение может исключать зачет требования полностью, или допускать возможность его зачета при соблюдении определенных условий (например, при наступлении определенного срока или условия, с исключением в отношении определенных видов требований и т.п.).

От соглашения о недопустимости зачета следует отличать отказ от осуществления права на зачет, который производится путем одностороннего волеизъявления уже после заключения договора (см. п. 6 ст. 450¹ ГК РФ и комментариев к нему).

(е) Нарушение установленного в ст. 411 ГК РФ или ином законе запрета влечет ничтожность (п. 2 ст. 168 ГК РФ) сделанного заявления о зачете (см. п. 51 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Аналогичным образом ничтожным должен являться и зачет в ситуации, когда он нарушает запреты и ограничения, установленные в договоре между сторонами.

(ж) Поскольку соглашение о зачете представляет собой самостоятельное основание прекращения соответствующих обязательств (подробнее см. комментариев к ст. 410 ГК РФ), положения ст. 411 ГК РФ напрямую к договорному зачету не применяются.

Это, однако, не означает, что препятствий к договорному зачету не существует вовсе. Поскольку запрет зачета требований о возмещении вреда жизни или здоровью, о взыскании алиментов, о пожизненном содержании обусловлен публичным интересом (см. ранее), такие требования не могут быть прекращены и посредством соглашения о зачете. Равным образом, установленный Законом о банкротстве запрет имеет целью охрану интересов третьих лиц (конкурсных кредиторов). Как следствие, после введения в отношении должника процедуры наблюдения (финансового оздоровления) прекращение его денежного требования посредством соглашения о зачете с одним из кредиторов в нарушение установленной очередности удовлетворения требований кредиторов также недопустимо.

Напротив, запрет зачета заданных требований предопределен необходимостью защиты интересов адресата зачета в условиях одностороннего характера классического зачета. В случае же заключения соглашения о зачете опасность ущемления прав одной из сторон отсутствует, а следовательно, нет препятствий к прекращению таким соглашением заданных требований.

Сказанное выше в полной мере распространяется и на соглашение сторон о так называемом автоматическом зачете взаимных требований, которое к институту зачета прямого отношения не имеет и под действие правил ст. 411 ГК РФ не подпадает (подробнее см. комментариев к ст. 410 ГК РФ).

Статья 412. Зачет при уступке требования

В случае уступки требования должник вправе зачесть против требования нового кредитора свое встречное требование к первоначальному кредитору.

Зачет производится, если требование возникло по основанию, существовавшему к моменту получения должником уведомления об уступке требования, и срок требования наступил до его получения либо этот срок не указан или определен моментом востребования.

Комментарий

(а) Правила ст. 412 ГК РФ основаны на принципе недопустимости ухудшения положения должника в результате уступки требования.

Необходимость защиты имущественных интересов должника вынуждает законодателя применительно к рассматриваемой ситуации отступить от общего условия встречности зачитываемых требований (см. ст. 410 ГК РФ и комментарий к ней).

(б) Изъятием из общего принципа встречности зачитываемых требований применительно к уступке является также ситуация, когда заявление о зачете сделано должником цеденту после уступки требования цессионарию, но *до получения должником уведомления* о такой уступке. Несмотря на то что цедент больше не является кредитором, необходимо обеспечить доверие должника к видимости принадлежности права изначальному кредитору до получения должником уведомления о цессии. Поскольку риск неблагоприятных последствий такого неуведомления лежит на цессионарии, на основании применения по аналогии п. 3 ст. 382 ГК РФ следует допустить такой зачет.

(в) В отличие от ситуации, указанной выше, ст. 412 ГК РФ регламентирует ситуацию зачета *после получения уведомления об уступке должником*, позволяя последнему зачесть против требования цессионария свое требование не к нему, а к цеденту.

(г) При этом законодатель стремится найти баланс между интересами должника и интересами цессионария. По этой причине абз. 2 ст. 412 ГК РФ ограничивает право должника на зачет лишь теми требованиями, срок исполнения по которым наступил к моменту получения уведомления об уступке, не был определен вовсе или был определен моментом востребования.

Это означает, во-первых, что требования должника должны возникнуть по основаниям, существовавшим до этого момента. При этом законодатель не ограничивает возможные основания таких требований, допуская предъявление к зачету не только требований, вытекающих из того же договора, что и требование цедента, но и других договорных и внедоговорных требований (см. определения КЭС ВС РФ от 18 сентября 2015 г. № 308-ЭС15-413; от 25 сентября 2015 г. № 307-ЭС15-6545). Тем самым закон, по сути, возлагает на цессионария риск наличия к моменту уступки или после совершения уступки и до получения должником уведомления об уступке обстоятельств, о существовании которых в момент уступки он объективно не знал и не должен был знать и возможность наступления которых после уступки

он предсказать не мог. Однако эта проблема решается в рамках взаимоотношений цессионария с цедентом с помощью применения ст. 390 ГК РФ об ответственности цедента. Подобное основание ответственности цедента специально подчеркивается в международных унификациях (см. ст. 9.1.15 Принципов УНИДРУА, III.-5:112 Модельных правил европейского частного права).

Во-вторых, способными для зачета являются только те существующие требования, срок исполнения которых наступил до момента получения уведомления либо не указан или определен моментом востребования. Данное ограничение порождает ряд вопросов.

Это ограничение в таком виде не учитывает возможность уступки права из обязательства, срок исполнения которого еще не наступил (несозревшего права). Данное ограничение позволяет недобросовестной стороне путем уступки своего требования до наступления срока исполнения по нему исключить возможный зачет, тем самым ухудшив положение должника. Это наглядно проявилось в одном из дел, рассмотренных ВС РФ (см. Определение КЭС ВС РФ от 18 сентября 2015 г. № 308-ЭС15-413), где, уступив требования об уплате цены за будущие поставки, поставщик, по сути, лишил покупателя возможности зачесть встречные требования об уплате премии за достижение установленного объема закупок, что было поддержано ВС РФ со ссылкой на буквальное понимание ст. 412 ГК РФ. В связи с этим применительно к уступке будущих требований, а также существующих требований до наступления срока их исполнения более удачным было бы ограничить возможные к зачету должником против цессионария требования не моментом уведомления об уступке, а созреванием требования (т.е. наступления срока исполнения по уступленному требованию).

(д) Буквальное толкование предписаний абз. 2 ст. 412 ГК РФ приводит к выводу, что требования должника к цеденту, допустимые к зачету против нового кредитора, обязаны соответствовать обоим обозначенным выше критериям, независимо от характера таких требований. В то же время международные унификации предлагают дифференцированный подход (см. ст. III.-5:116 Модельных правил европейского частного права). Право на зачет требований к прежнему кредитору, тесно связанных с тем же правоотношением, что и уступленное требование (например, возникающих из одного договора), признается за должником независимо от момента их возникновения и его осведомленности об уступке. Прочие же требования к цеденту могут быть зачтены должником против цессионария при условии их существования к моменту уведомления должника об уступке требования. Такое решение минимизирует негативные последствия уступки в отношении должника: он не теряет право заявить зачет на основе возникновения в будущем встречных притязаний к своему непосредственному контрагенту в рамках длительных договорных отношений. Как представляется, этот подход является достаточно логичным. Блокирование зачета в такого рода случаях просто нарушало бы ту программу правоотношений, которую стороны имели в виду при заключении договора, и подрывало бы разумные ожидания должника в отношении возможности погашать свои возникающие из договора долги за счет зачета встречных требований к контрагенту (например, погашать свои возможные притязания по уплате поставщиком неустойки за просрочку в поставке посредством зачета этого требования к встречному требованию поставщика об уплате цены поставленного с просрочкой товара). С учетом того что

согласия должника на уступку не испрашивают, обратный подход просто бы грубо нарушал его права. При этом особенность именно этой ситуации состоит в том, что цессионарий, изучив договор цедента с должником, вполне может осознать риски, связанные с выявлением после уступки и уведомления должника о ней тех или иных встречных требований должника, основанных на договоре. Таким образом, логично ст. 412 ГК РФ толковать ограничительно и не применять правило о блокировании зачета в случаях, когда встречные требования были тесно взаимосвязаны и опирались на одно правовое основание (например, тот или иной долгосрочный договор). Это особенно актуально с учетом того, что российский закон в ст. 388 ГК РФ лишает должника возможности эффективно заблокировать уступку денежных требований, т.е. не позволяет должнику сохранить свое право на зачет в отношении своих встречных требований к изначальному кредитору, которые могут возникнуть в рамках того же договорного правоотношения, из которого вытекает и уступаемое право.

(е) Правила ст. 412 ГК РФ являются дополнительной льготой для должника. Поэтому указанные предписания не лишают должника права зачесть против требования цессионария свое требование, направленное непосредственно к нему, при наличии такового.

(ж) В случае уступки части требования должник может по своему выбору произвести зачет против части требования, перешедшей к цессионарию, по правилам ст. 412 ГК РФ и (или) против части требования, оставшейся за цедентом, по общим правилам ст. 410 ГК РФ.

(з) Правила ст. 412 ГК РФ применяются и при последовательной многократной уступке. В подобной ситуации должник вправе зачесть против последнего кредитора все требования, которые он имел ко всем его правопреемникам.

(и) Помимо собственно уступки требования предписания ст. 412 ГК РФ полностью распространяются и на случаи перехода права кредитора к другому лицу на основании закона (ст. 387 ГК РФ). Они также применяются и при перемене кредитора в рамках регулируемого ст. 392³ ГК РФ института передачи договора (см. ст. 9.3.6 Принципов УНИДРУА).

Статья 413. Прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице

Обязательство прекращается совпадением должника и кредитора в одном лице, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

Комментарий

(а) Статья 413 ГК РФ посвящена естественному основанию прекращения обязательства при совпадении должника и кредитора в одном лице. Обязательственное правоотношение предполагает наличие двух субъектов — кредитора и должника.

Совпадение их в одном лице (конфузия) делает бессмысленным существование субъективного права и корреспондирующей ему обязанности, а потому при наступлении подобных обстоятельств обязательство прекращается.

(б) Конфузия может являться следствием универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридических лиц в форме слияния или присоединения), в результате которого к должнику переходит корреспондирующее его долгу субъективное право, либо, наоборот, к кредитору переходит противостоящая его требованию обязанность.

Совпадение может чисто теоретически иметь место и в рамках сингулярного правопреемства. Так, обязательство прекращается в случае уступки кредитором своему должнику права требования к последнему.

В качестве основания конфузии может также выступать переход к должнику имущества, являющегося предметом обязательства. Так, переход до истечения срока аренды права собственности на арендуемую вещь арендатору прекращает его обязанность по внесению им арендной платы, так как в силу ст. 617 ГК РФ к новому собственнику предмета аренды переходят права прежнего арендодателя.

(в) Отечественное законодательство не регулирует вопроса конфузии в рамках обязательств с множественностью лиц, например, при наследовании одним из содолжников кредитором либо одним из сокредиторов должнику. Для отношений долевой множественности ответ на этот вопрос очевиден: подобная конфузия приводит к прекращению соответствующих требований в доле, относящейся к такому должнику (причитающейся такому кредитору). Куда сложнее выглядит этот вопрос для случаев солидарной множественности. В международных унифицированных актах установлено, что совпадение кредитора и одного из солидарных должников в одном лице прекращает обязательство других должников только в пределах доли данного должника (см. ст. III-4:109 Модельных правил европейского частного права). Аналогичные правила применяются и при совпадении в одном лице одного из солидарных кредиторов и должника (см. ст. III-4: 207 Модельных правил европейского частного права).

(г) Совпадение должника и кредитора приводит к прекращению обязательства, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений. Примером изъятия из общих правил является законодательство о ценных бумагах. Так, в силу п. 11 Положения о переводном и простом векселе индоссамент по ордерному векселю может быть совершен в том числе в пользу обязанного по такому векселю лица, которое, в свою очередь, вправе индоссировать вексель. Таким образом, передача прав по ордерному векселю одному из должников по нему (в том числе векселедателью) не исключает возможности дальнейшего перехода прав по векселю другим лицам (см. п. 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21 января 2002 г. № 67).

Поручитель, приобретший облигации, исполнение обязательств по которым было обеспечено его поручительством, и впоследствии передавший их третьим лицам, продолжает отвечать перед облигационерами за исполнение эмитентом обязательств по ним в соответствии с условиями поручительства. Положения ст. 413